

Жан-Клод Ларше

СТАТЬЯ «О ПРИНЦИПАХ ПРАВИЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАТРИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛОВИИ»¹

УДК 271-9:001.3

DOI: 10.31802/2658-7491-2019-2-2-153-157

В своей статье Жан-Клод Ларше формулирует актуальный вопрос о месте патристики в современной гуманитарной науке. Нельзя отрицать, что сегодня патристику лишили того положения, которое она занимала на протяжении большей части прошлого века (равно как и во времена более отдалённые). На момент проведения первой Международной патристической конференции в Оксфорде в 1951 году основным намерением её организатора, каноника Фрэнка Кросса, было создание площадки для изучения святоотеческого наследия. Этот процесс, по задумке Кросса, должен был осуществляться на пути сотрудничества между учёными-христианами, принадлежащими к различным церковным традициям. Патристика считалась основанием любого подлинно-традиционного христианского богословия.

Прошло 50 лет, и характер Оксфордской конференции изменился; сегодня многие воспринимают её в первую очередь как пространство для исследования позднеантичной истории и мысли. Нельзя сказать, что это полное отречение от первоначального замысла — скорее, речь идёт о смещении акцентов, вызванном общими переменами в западной науке и образовании. Тем не менее в результате этого процесса возникли явления, которые Ларше перечисляет в начале своей статьи: интерес к якобы незначительным, порой еретическим, авторам; внимание к философской стороне святоотеческой мысли; стремление

1 Перевод с английского Василия Чернова. URL: <https://mpda.ru/publications/o-principah-pravilnogo-ispolzovanija-patristicheskikh-issledovanij-v-pravoslavnom-bogoslovii/>.

понять, какое влияние на отцов Церкви оказали интеллектуальные тенденции в современном им обществе, вместо того, чтобы сосредоточиться на влиянии на них более ранних отцов, что позволило бы увидеть непрерывность традиции; утрата ощущения цельности «святоотеческого богословия»; использование научных методов, для которых отцы Церкви не отличаются от прочих древних авторов, являясь не живыми угодниками Божиими, с которыми можно иметь общение в молитве, а давно почившими мыслителями, жившими в отдалённые и во многом чуждые нам времена; смешение богословия с философией. В том, что Ларше указал на изменение в отношении к святым отцам, есть своя правда. И всё же я бы ответил ему: «Да, но...» Да, подобное изменение отрицать невозможно, но нельзя сказать, что к этому нечего добавить.

Начнем с тех, кого Ларше называет «незначительными авторами». В качестве примера увлечения таковыми он приводит сегодняшний интерес к сирийским отцам Церкви. Но подобный интерес не имеет ничего общего с уклонением в несторианство или монофизитство. Он связан с ясным пониманием того, что сирийские отцы обладали духовным видением, всецело почерпнутым из православных источников и тождественным им, как это видно из «Достопамятных сказаний о подвижничестве святых и блаженных отцов» и других памятников аскетической традиции. Кроме того, в обращении к сирийским отцам нет ничего нового. Один из самых известных сирийских подвижников, Исаак Ниневийский, которого в славянской традиции называют преподобным Исааком Сириным, был епископом Церкви Востока, часто (и неправильно) именуемой «несторианской». В VIII и IX веках духовные наставления Исаака считались настолько ценными, что многие из его творений были переведены на греческий двумя монахами обители преподобного Саввы Освященного, Авраамием и Патрикием. Эти поучения, позже переведённые с греческого на церковнославянский, стали особенно любимы у православных славян. Святитель Феофан Затворник включил многие из них в русский перевод Добротолюбия. Полагаю, имеет смысл довериться рассудительности отцов обители преподобного Саввы и святителя Феофана и не спешить отмести эти тексты как «несторианские». Тот факт, что преподобный Исаак был архипастырем Церкви якобы несторианской, должен бы послужить нам предостережением, когда мы спешим навесить на кого-то ярлык «ереси».

Далее Ларше обращает внимание на интерес к философии, усматривая также тенденцию к смешению философии и богословия. Интерес

к философской стороне святоотеческой мысли совершенно не нов. Сами отцы Церкви вполне осознавали свою связь с великими философами древности. Самые знаменитые отцы IV века, святители Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, имели блестящее классическое образование, включавшее подробное знакомство с трудами философов, в первую очередь Платона, которого святитель Афанасий Великий назвал «величайшим среди эллинов» (О воплощении, 2). Платоновское умозрение трёх составляющих человеческой души — разумного, яростного и страстного — легло в основу всей психологии византийских подвижников, как это явствует из Добротолюбия. Вопросы соотношения Божественного промысла и человеческой свободы занимали греческих отцов с момента появления христианства и до XIV века и породили особое направление философских по сути своей размышлений «о временах жизни» (περὶ ὄρων ζωῆς). В основе этих размышлений лежала античная философия, но в большей степени — беседа святителя Василия Великого «О том, что Бог не виновник зла». Мне сложно представить, чтобы кто-то оказался способен понять святоотеческую мысль без обращения к античному (в том числе позднеантичному) философскому наследию, поскольку сами святые отцы интересовались им и использовали его. Собственно, изменения во взглядах учёного сообщества на отношения между философскими системами классического и позднеантичного периодов произошли в основном по той причине, что специалисты по классической античной философии стали проявлять растущий интерес к философским аспектам святоотеческой мысли. Всего несколько десятилетий назад такое считалось чем-то неслыханным, тогда как сегодня учёные открыто рассуждают о «византийской философии». Подобные процессы следует горячо приветствовать, ведь они лишь углубляют наше понимание святоотеческой мысли.

Ларше справедливо указывает на утрату ощущения цельности святоотеческого богословия. Но такого ощущения не добиться, убеждая себя в том, что «святоотеческое богословие» — это тропинка, по которой поколения отцов шли друг за дружкой след в след. Осознав, что это на самом деле не так, мы открываем для себя разнообразие святоотеческого наследия и учимся воспринимать его не как унисонное гудение, а как великолепный хор, в котором разные голоса важны именно потому, что они отличаются один от другого тоном или мелодией. Некогда при изучении наследия святых отцов имела место тенденция втиснуть их мысль в прокрустово ложе, якобы созданное постановлениями Вселенских Соборов; в их творениях видели лишь орудия богословских

споров, ведших к соборным решениям. Но современная наука призывает обратить внимание на самостоятельную ценность каждого из отцов, не меряя их мерками друг друга, стремясь услышать богатую гармонию вместо примитивного унисона. Святые Кирилл Александрийский и Григорий Нисский говорят об одной и той же тайне Христовой, но, мне думается, делают это во взаимодополняющих манерах. И если попытаться добиться от них некоего упрощённого «согласия», ничего дельного из такого не выйдет.

Наконец, Ларше совершенно прав, говоря, что, изучая святых отцов в контексте православного богословия, мы должны воспринимать их как «своих» отцов в вере, а не усопших писателей, чьи тексты мы изучаем как препарат на уроке анатомии, глядя на них сверху вниз. Здесь мне вспоминаются слова англо-американского поэта Томаса Элиота: «Некто сказал: “Мёртвые писатели далеки от нас потому, что нам известно намного больше, чем было ведомо им”. Воистину, они и есть наше знание» (Selected Essays [1951], 16).

Это важно помнить и когда мы приступаем к изучению святых отцов, ибо они — не «мёртвые писатели» (тут Ларше полностью прав), но наши современники во Христе, в молитвенном общении, в том, что является нам лишь в церковном богослужении и домашней молитве. Наша молитва тем глубже, чем ближе мы к Телу Христову, чем яснее мы осознаём, что святые отцы, в чьей мудрости мы стремимся приобщиться, пребывают близ нас — и не только потому, что мы вместе молимся Богу, но и потому, что мы и к ним обращаемся, прося помощи и наставления. Здесь уместно упомянуть ещё один момент. Прежде изучение святых отцов сводилось к их вкладу в догматические споры, из которых затем возникли богословские решения Вселенских Соборов. Но их соучастие в тайне Христовой, их деятельность как пастырей и молитвенников не менее, а то и более важна. Об этом говорит сам Ларше в одной из лучших своих книг о преподобном Максиме Исповеднике. В ней автор смотрит на преподобного Максима не столько как на великого защитника православного учения о Христе, сколько как на наставника в духовной жизни. Речь идёт о книге Жана-Клода Ларше «La divinisation de l'homme selon saint Maxime de Confesseur» (1996), которая действительно достойна высших похвал.

В завершение скажу, что сегодня процесс изучения святоотеческого наследия проходит в научном окружении, охваченном многочисленными переменами. Мы не ограничиваем свой круг чтения православными авторами (это было бы очень глупо); мы принимаем, причём

не через силу, а с сердечной благодарностью, тот факт, что понимание мысли и богословия отцов Церкви доступно христианам других традиций, помимо нашей. Более того, нам не следует отвергать и того, что предлагают светские специалисты, даже если их подход чужд, а порой и враждебен христианской вере. Среди светских учёных наряду с философами есть историки, социологи, социантропологи, которые могут не отождествлять себя с христианством. Но отвергнув их, мы не причинили бы себе самим ничего, кроме вреда, ведь их наработки также могут помочь нам возрасти в своём православном понимании Отцов. Конечно, труды подобных учёных следует читать с рассудительностью — но не с подозрительностью. Мы должны избегать страха, смятения и тем более гнева. Сегодня патристика ступает на новый, важный этап своего пути, на котором мы должны будем собрать все свои силы, чтобы проникнуть в глубину святоотеческой мысли. И пусть нашим девизом на этом пути будут слова, которыми святитель Иоанн Златоуст встречал любые жизненные обстоятельства: «Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα» — «Слава Богу за всё».

Протоиерей Эндрю Лаут